

ВАЛЕРИЙ СТОВБА

ОДИН
ИЗ ПЛЕЯДЫ
ЗАБЫТЫХ



12+

Валерий Стомба

Один из плеяды забытых

«Автор»

2020

Стовба В.

Один из плеяды забытых / В. Стовба — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-92564-9

Участие в аресте Временного правительства, поездка в Турцию к Кемалю Ататюрку с письмом Чичерина, приезд в Россию Айседоры Дункан, организация спасения арктической экспедиции Умберто Нобиле - даже этого далеко не полного списка резонансных дел достаточно, чтобы войти в историю Октября, советской дипломатии. Однако долгие годы имя Семена Максимовича Мирного (Фридмана) было забыто. Его выслали в казахское село как пособника "врага народа". Автор в данной книге первым делает попытку наиболее полно рассказать о жизни человека, которому шел красный бант на студенческом мундире, фрак дипломата, роль контрабандиста, потертый костюмчик учителя сельской школы, гимнастерка военкора.

ISBN 978-5-532-92564-9

© Стовба В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Предисловие	5
Глава 1. Поручение съезда	6
1918 г., ноябрь, Крым	6
1918 г., декабрь, Крым	7
1918 г., декабрь, Одесса	9
1918 г., декабрь, под Киевом	11
1918 г., декабрь, Москва	13
Глава 2. 75 незабываемых дней	14
1918 г., декабрь – 1919 г., февраль	14
1919 г., март, Харьков	15
1919 г., апрель, Крым	16
1919 г., май, Крым	18
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Валерий Стомба

Один из плеяды забытых

Предисловие

Семен Максимович Мирный – впервые услышал о нем из уст главного хранителя государственного Исторического музея Риммы Михайловны Семеновой, когда готовил заметку в «Комсомольскую правду» к 7 ноября 1975 года.

Через несколько дней после публикации мне позвонила жена Семена Максимовича Мирного – Нина Ивановна. Так у нас возник тройственный союз: я, Римма Михайловна и Нина Ивановна.

...Прошли десятилетия. Женщины ушли из жизни. Что мы втроем успели сделать? В моих руках оказался собранный и систематизированный архивный материал о Мирном. Его жизни и деятельности посвящен диплом, защищенный мной на кафедре международного рабочего движения высшей партийной школы в Ленинграде. Остальной материал ждет своего автора. Рискну им стать, чтобы рассказать историю Фридмана (его настоящая фамилия) до последних дней его жизни.

2019 г.

Глава 1. Поручение съезда

1918 г., ноябрь, Крым

Архивная справка *«Мы прибываем на территорию России для водворения порядка, для освобождения ее от власти большевиков. Поэтому сведения, распространяемые большевиками о том, что союзные войска, придя на юг России, якобы будут выбивать германцев оттуда, – ложны. Германцы, как и мы, являются не завоевателями, а защитниками права и порядка, поэтому их и наши скрывающие большевиков, подлежат полевому суду.*

Мы не признаем никаких организаций в России, кроме организаций, борющихся с большевиками, добровольческой и казачьей армий и армии Учредительного собрания, ввиду чего предписываем всем организациям, имеющим оружие, передать его специально назначенным на это представителям.»

(Из обращения англо-французских интервентов «К населению Юга».)

1918 г., декабрь, Крым

«Как бы ни так», – усмехнулся Семен и скомкал старый, еще за 10 ноября, номер «Ялтинского голоса», опубликовавшего обращение. Этот циничный документ, принятый на совещании в Яссах, даже не пытался скрыть подлинное лицо «защитников права и порядка». Между строк так и сквозило стремление с помощью белогвардейцев во что бы то ни стало сохранить за собой Крым и Севастополь – эту стратегическую военно-морскую базу, этот плацдарм для захвата Украины, планируемого наступления на Москву.

Кони лениво тянули подводу по крымской степи от Симферополя к Перекопу. К счастью, денкины не обращали внимания на худого, как жердь, Семена, удобно примостившегося среди проезжих: выдавшее виды пальтецо, побитое дорожной пылью, надвинутая на лоб темная кепка, простенький свитер с растянутым на шее воротом. Наметанный взгляд патруля сразу признавал в нем одного из многочисленных горожан, двинувшихся на поиски более сытных мест.

Ничего удивительного. Даже здесь, под щедрым солнцем юга, не хватало продовольствия. Вернее, хлеб был, но большую его часть белогвардейцы вывозили за границу в счет царских долгов, в обмен на оружие.

Архивная справка Цена пуда пшеницы на симферопольском черном рынке колеблется от 220 до 240 рублей. Фунт сливочного масла стоит 300 рублей. В Севастополе до 10 тысяч безработных. Многие рабочие семьи голодают.

Семен вспомнил последнее заседание подпольного обкома партии. Особую тревогу товарищей вызвало то, что численность оккупационных войск росла, как на дрожжах. Только в Севастополе части интервентов насчитывали уже более двадцати тысяч штыков. Три дредноута, восемь крейсеров, большое число транспортов Антанты блокировали советские берега Черного моря.

Так постепенно в оккупированном Крыму установился жестокий режим голода, насилия, террора. Не поколебало его и то, что в середине ноября вместо буржуазно-националистического правительства Сулькевича (генерала германской армии) к власти пришло «краевое правительство». Наконец-то Крым лег к ногам Крыма. Соломона Крыма – крупного феодосийского фабриканта, помещика, бывшего депутата первой Государственной думы. Именно он заполучил портфели премьер-министра и министра земледелия новоиспеченного правительства. Ориентация на англичан и французов не помешала ему дать прибежище под своим крылом эсерам, правым меньшевикам, что создавало видимость демократии.

И все же, несмотря на разгул террора, заигрывания правительства с различными политическими группировками, авторитет большевиков, ушедших в подполье, продолжал расти среди трудящихся Крыма. По поручению Центрального Комитета партии секретарь ЦК Я.М. Свердлов направил в Тавриду опытных проверенных большевиков: Ю. Гавена, Н. Островскую, Н. Миллера, Н. Пожарова и многих других. Они сумели на протяжении года сплотить вокруг коммунистов значительную часть рабочих, беднейших крестьян, организовать их на борьбу за победу в Крыму Советской власти.

Семен забросил ноги в телегу и, подложив под голову тощий заплечный мешок, лег на душистое сено. Возница–татарин молчал о чем-то своем, изредка поглядывая поверх лошадиных голов: вот-вот должен был открыться Сиваш.

«Итак, Крым позади, – констатировал про себя Семен, – но предстоит еще более трудная задача: вдоль побережья, через Николаев, пробраться в захваченную белыми Одессу...»

Правда, здесь, на Украине, каждый его шаг был предусмотрен Крымским обкомом партии. В котомке под головой – пять фунтов соли. То, что сегодня дороже золота. Ведь за деньги практически ничего не купишь. «Мэтэлыкы» гетмана Скоропадского, кайзеровские оккупационные марки, неразрезанные листы керенок, достоинством в миллионы рублей, ничего не стоили. А за фунт соли можно подрядить возницу вплоть до Одессы. На случай, если им заинтересуются белые, еще в Симферополе разработали легенду: папу, владельца мукомольни, убили большевики, а он бежит от красного террора.

– Сиваш, – обернувшись к Семену, старый татарин ткнул кнутовищем куда-то вперед.

И действительно, вдали уже виднелись свинцовые декабрьские воды Гнилого моря...

Товарищи оказались правы: сероватого цвета крупинки соли сделали свое дело – долго искать подводу не пришлось. Через несколько дней он уже был в Одессе, на явочной квартире секретаря подпольного обкома партии Елены Соколовской.

1918 г., декабрь, Одесса

...Разговор затянулся далеко за полночь. Несмотря на обилие дел, Елена Кирилловна, молодая красивая женщина с нездоровым от недосыпания цветом лица, обстоятельно расспрашивала Семена о положении в Крыму, о товарищах, о работе обкома. И тот подробно отвечал на ее вопросы. Рассказал, как был принят в партию, как в сложных условиях деникинщины вместе с товарищами готовились к проведению второго нелегального областного съезда Таврической партийной организации. Как в строгой конспирации три дня шли его заседания. Что избран новый состав обкома, в который вместе с известными большевиками–ленинцами вошли Е.Г. Богатурьянц, И.А. Назукин, М.Л. Рылова, И.М. Полонский и он, Семен Мирный.

Готовясь к решительному штурму деникинщины, коммунисты детально обсудили стратегию и тактику каждой партийной организации, необходимость согласованных действий с частями перешедшей в наступление Красной Армии. Одним из основных был вопрос об образовании после выхода из подполья Крымской Советской Республики. Ее провозглашение обещало серьезно активизировать борьбу национальных меньшинств полуострова против белогвардейцев и Антанты. Согласовать этот шаг с ЦК партии, с Наркомнацем И.В. Сталиным и был направлен съездом в Москву Семен Максимович Мирный.

Учитывая, что ему предстоит пробираться сквозь расположение частей генерала Деникина, сквозь разгул и погромы банд батьки Махно, Симона Петлюры, атамана Тютюнника, бюро обкома партии предусмотрело еще один канал связи. Если провалится Мирный, должен добраться в Центр другой член обкома – Ефим Шульман, чей путь пролегал через Джанкой.

Закончив рассказ, Семен заметил на себе пристальный взгляд Соколовской:

– Связные подробно описали ваш внешний вид, – объяснила она. Но если бы не пароль – не узнала бы...

И Елена Кирилловна опустила глаза, уводя разговор подальше от нечаянного признания. Не могла же она обидеть гостя, признавшись, что вместо него ожидала встретить человека в более зрелом возрасте, с большим стажем партийной работы. Да и не имела права она не доверять молодости.

Архивная справка Елена Кирилловна Соколовская была известна под партийными псевдонимами «Елена» и «Елена Кирилловна». Воспитанная в дворянской семье, она девчушкой уехала в Петербург на Бестужевские курсы. Примкнула к одному из революционных кружков. Принимала непосредственное участие в Октябрьских событиях. Партия направила ее на подпольную работу в Киев, затем в Одессу. Секретарю подпольного обкома было двадцать четыре года.

В.В. Вересаев: «...Молодежь толпами уходила в марксизм именно потому, что он широко открывал двери личному почину и инициативе, что указывал широкое поле деятельности для всякого, кто не боялся жертв и был готов идти на них.» (Из «Литературных воспоминаний».)

Архивная справка Семен Максимович Мирный (Фридман) родился 22 декабря 1896 года в небольшом городке Грива Курляндской губернии. Отец, Максим Яковлевич Фридман, служащий лесничества, умер, когда Семену не было и пяти лет. Мать, Фрида Семеновна, работавшая страховым агентом в обществе «Россия», одна воспитывала четверых детей. Порой приходилось очень трудно. Чтобы хоть как-то помочь матери, Семен рано покинул дом. В Риге поступил в частную гимназию Ривоша. Особый интерес проявил к изучению языков. Латынь, греческий, латышский, немецкий, французский, как свидетельствовали экзамены, проведен-

ные «под наблюдением депутатов от Рижского учебного округа», сдал хорошо, получив «право на поступление без испытаний в соответствующий класс правительственных мужских гимназий».

В 1913 году Мирный приобщается к самостоятельному труду: дает частные уроки, работает в различных конторах. Репетиторство помогает ему зарабатывать на жизнь и в Петрограде, куда переезжает в 1915 году. Учится вначале в четвертой гимназии, которую заканчивает 20 апреля 1917 года с серебряной медалью, а затем в Петроградском университете имени Петра 1.

Именно студенческая среда, критически настроенная к Временному правительству, бунтующая – определяет дальнейшую судьбу Мирного. Его маленькая комнатка на Екатерининском канале становится местом бурных дебатов молодежи вокруг событий на фронте, участвовавших выступлений пролетариата.

До шепетильности скромный, тактичный, он оставил лишь скудные строки автобиографии. А потому о первом причастии его революцией известно крайне мало. В феврале 1917 г. Мирный среди демонстрантов с красным бантом на груди. В октябре – среди тех, кто штурмовал Зимний дворец. Принимает участие в аресте Временного правительства. Помните: «От Всероссийского Съезда Советов. Бывшие министры Коновалов, Кишкин, Терещенко, Малянтович, Никитин и др. арестованы Революционным Комитетом. Керенский сбежал. Предписывается всем партийным организациям принять меры для немедленного ареста Керенского и доставления его в Петроград. Всякое пособничество Керенскому будет караться, как тяжкое государственное преступление.»

З.С.Шейнис: «Его, Мирного, узкое интеллигентное лицо с очками, прикрывающими близорукие глаза, хорошо запомнил министр Щегловитов. Через некоторое время они встретятся в доме Чрезвычайной комиссии в Москве. Семен Мирный выйдет из кабинета Дзержинского и в коридоре лицом к лицу столкнется со Щегловитовым, которого ведут на допрос. «Товарищ, вы меня узнаете? – неожиданно обратился «бывший» к Семену Мирному.

«Я вам не товарищ» – ответит Мирный и они разойдутся.

Архивная справка Осенью 1918 года по рекомендации Чрезвычайной Комиссии ЦК партии направил Мирного на подпольную работу в Крым.

...Получив у Елены Кирилловны явки в Киеве, Семен вновь отправился в путь. Через Киев, Харьков в Москву.

1918 г., декабрь, под Киевом

Выйдя из теплушки на одной из узловых станций за кипятком, Семен направился к зданию вокзала. Выделив его из потока приезжих, путь преградил гайдамак:

– А ну стий! Хто такой?

– Человек.

Дыхнув сивушным перегаром, тот ухмыльнулся:

– Бачу, що нэ баба... По морди бачу – червоний...

– Ошибаетесь, пан, попробовал уладить назревший конфликт Мирный, я бегу от красных. Коммунисты расстреляли моего отца.

– За що ж цэ?

– Он был владельцем мукомольни.

– Хто цэ? – к гайдамаку подошли другие патрульные, одетые в добротные украинские свитки, шаровары, заправленные в сапоги, смушковые папахи. За плечами трехлинейки. У начальника патруля на поясе маузер: – Бильшовык?

– Кажэ, що ни...

– Ну так жыд, хиба нэ бачыш? – начальник патруля профессионально, почти без замаха, ударил Семена в живот.

Гайдамаки, расценив это как приказ, присоединились к старшему. Били методично, расчетливо, жестоко. Семен, понимая бесполезность сопротивления, пытался прикрыть руками голову, живот, но это почти не удавалось. Тело уже было сплошным сгустком боли. Из рта стекала струйка крови.

«Убьют, гады», – пронеслось в голове и почти тотчас раздался голос начальника патруля:

– Годи, хлопци, бо мэртвого нэ розстриляеш...

Избитого, с трудом поднявшегося на ноги Семена поручили пожилому усатому гайдамаку: «В розпыл його, Мыколо...» Дуло винтовки уперлось Семену в спину, и они пошли в сторону околицы.

У железнодорожного переезда навстречу им шла молодая женщина с пронзительно черными глазами. Вдруг она приостановилась и, кутаясь в меха, пристально взглянула на Мирного:

– Паныч?! Божечко ж мий, як вы тут опынылысь?

Семен замедлил шаг, вглядываясь близорукими глазами в лицо женщины – очки то ли разбились, то ли слетели, когда его избивали гайдамаки.

– Та нэвжэ нэ пизнаетэ мэнэ?..

Что-то неуловимо знакомое было в чертах прохожей, но он никак не мог вспомнить – кто же это?

– Цэ ж я, Фроська. Пмьятаетэ прислугу з Екатеринынского каналу?

Господи! Из глубины памяти всплыла студенческая комнатуха в Петрограде: друзья, с которыми до хрипоты обсуждал последние политические новости и... Фроська, юная украинка откуда-то из-под Киева. Принесет выстиранное, выглаженное белье, с укором скажет: «Годи вам, паныч, над кныжкамы сыдиты. Он на вулыци як гарно – прогулялысь бы...»

Вот так встреча! Семен от неожиданности потерял дар речи. Да и что он ей мог сказать? Что вот сейчас, через несколько минут, оборвется его жизнь? Что так бездарно влип, не выполнив поручения партии? Об этом нельзя было говорить ни при каких обстоятельствах. А другие мысли просто не шли в голову.

Но Фроська рассудила по-своему, поняв, какая опасность нависла над Семеном. Она накинулась на пожилого гайдамака:

– Куды цэ ты його вэдэш?

– Приказано в розпыл... Чы то комунист... чы то жид... – отчего-то растерявшись, гайдамак не находил себе места.

– А ну видпусты його, кому сказала! Чы можэ нэ пизнаеш мэнэ? – и она отвесила усатому крепкую оплеуху. – Гэть звидсы!

Пожилой гайдамак, грязно выругавшись, не смея возражать Фроське, засеменил в сторону вокзала, доложить о происшедшем по инстанции. А та, не теряя времени, повела Мирного к своему дому, рассказав по пути, как вернулась из северной столицы на Украину. Как вынуждена была выйти замуж, за начальника отряда гайдамаков, который лет на сорок старше ее. Что она теперь первая пани на всю округу. И, скрывая за невеселой усмешкой прорвавшуюся наружу печаль, добавила с вызовом:

– Старый конь борозды нэ зипсуе. Протэ живу, як королева...

Дома Фроська спрятала Семена в чуланчик, забытый рухлядью:

– Посыдь тут, та нэ бийся – вызволю...

Вскоре, сердито грюкнув дверью, на пороге появился муж Фроськи и, не потрудившись раздеться, набросился на жену:

– Що ж цэ ты вытворяеш? На кой ляд червоного видпустыла? Чы до серця прыйшовся? – подозрительно заглянул ей в глаза.

Фроська, видимо, уже хорошо изучила мужа, а потому быстро начала собирать на стол:

– Та брэшуть всэ твои головоризы. Якый червоный?

Налив чарку до краев мутным самогоном, она демонстративно покорно поднесла ее мужу:

– Ось выпый, заспокойся. Брэшуть тоби, старому дурню, а ты вирыш, на жинку кыдаешся, – и она прижалась своей необъятной грудью к мужу.

После нескольких чарок самогона и обильной закуски, от одного запаха которой у Мирного заурчало в животе, старик разомлел. А чуть позже, убаюканный медовыми речами жены, заснул.

Вечером, под громовой храп гайдамака, Фроська вывела Семена из кладовки, сунула в руки узелок со снедью и проводила до околицы.

– Нэ знаю, Сэмэнэ, хто вы, та нэ хочу знаты. Алэ бежить з миста швыдщэ. Бо проснэтыся, можэ буты лыхо. А я як нэбуць выкручусь. Нэ впершэ.

Семену не оставалось ничего иного, как поблагодарить женщину за свое спасение и последовать доброму совету.

...Под решительными ударами Красной Армии деникинские войска все дальше откатывались на юг. Благополучно миновав линию фронта, Мирный предъявил красноармейцам извлеченный из-под подкладки пиджака мандат Крымского обкома партии и, забившись в теплушку воинского эшелона, въехал в Москву.

Путь был не из легких. Железнодорожный состав часто останавливался на безымянных полустанках, чтобы пополнить запас дров. Долгие часы приходилось ожидать, пока восстановят железнодорожное полотно, взорванное бандами, оставшимися от частей белогвардейцев. Давали о себе знать декабрьские морозы, недоедание. Зато впервые за последние месяцы Семен сладко, вволю выспался.

1918 г., декабрь, Москва

...Курский вокзал столицы встретил пританцовывающими на морозе толпами мешочников, направляющихся на юг, в «края хлебные». Среди них, в поисках наживы, сновали беспризорники, дефилировали карманники. Из пустых глазниц близлежащих домов торчали разнокалиберные трубы «буржук», пожиравших неимоверное по тем временам количество дров взамен на несколько часов уютного расслабляющего тепла. Пустые витрины магазинов притягивали длинные хвосты очередей – москвичи часами выстаивали за волглым хлебом, пшеном, ссохшейся воблой.

До Кремля Семен добрался пешком: дребезжащие трамваи проходили редко, брать их приходилось штурмом.

Несколько раз предъявив часовым свой мандат, Мирный остановился, наконец, у кабинета Наркома по делам национальностей И.В. Сталина.

– Сема, живой?! – бросив под ноги заплечный мешок, вытянув вперед руки, по коридору навстречу ему бежал Шульман, тоже благополучно добравшийся до Кремля.

Невозможно было разорвать объятия давно не видевшихся друзей.

А потом, усевшись на деревянную скамью у стены, не замечая снующих мимо людей, поведали друг другу о злключениях опасного перехода. Вспомнили товарищей, оставшихся в подполье. Еще и еще раз обсудили длинный перечень дел, ожидавших своего решения здесь, в Кремле.

Архивная справка «Приехавшая в Центр группа членов подпольного о.к. (Мирный, Шульман и др.) получила от Наркомнаца и ЦК РКП согласие на образование Крымской Советской Республики...» (Из газеты «Жизнь национальностей» от 10 декабря 1918 года).

Посланцы Крымского обкома добились передачи в их распоряжение турецкой коммунистической группы Мустафы Субхи, состоявшей из бывших военнопленных. Она должна была вести работу с крымскими татарами, а затем, по мере возможности, выехать в Турцию.

Успешно выполнив поручение съезда Таврической партийной организации, С. Мирный и Е. Шульман разыскали в одном из госпиталей Юрия Петровича Гавена, отправленного из Крыма в Москву на лечение. Профессиональный революционер, большевик, он долгое время пробыл в царских застенках. пытки, допросы «с пристрастием» не сломили его волю. Но поврежденная тюремщиками нога, треснувшие ребра дали о себе знать. У Гавена постепенно развивался туберкулез костей. Открытые язвы, свищи на теле на время прервали его партийную деятельность в Крыму. Но душой он постоянно был там, с товарищами по борьбе. А потому неожиданный приход Мирного и Шульмана, принесших последние новости, был для Юрия Петровича настоящим праздником. Долго не смолкал оживленный разговор у кровати больного. Оказалось, друзья были не первыми посетителями. К нему уже заходили подпольщики, которые, рискуя жизнью, пробрались из Крыма в Москву, чтобы установить связь с одним из руководителей Таврической партийной организации. Среди них Д. Скрыпник, А. Лысенко, И. Семенов, М. Каплан, М. Гершуни (Рылова). Прощаясь, договорились встретиться в Крыму: «Мы еще поднимем над Тавридой красное знамя!..»

Глава 2. 75 незабываемых дней

1918 г., декабрь – 1919 г., февраль

Хроника В конце 1918 года был создан Совет рабоче-крестьянской обороны молодой Советской республики. Возглавил его Владимир Ильич Ленин. Совет взял в свои руки общее руководство обороной, координировал действия фронтов, решил наиболее неотложные дела в тылу. Считая Восточный фронт основным, В.И. Ленин, однако, требовал наращивать усилия в борьбе с Деникиным и Антантой на юге. Следуя этой стратегической линии, ЦК партии в январе–феврале 1919 года направил на Южный фронт почти две с половиной тысячи коммунистов. В бои с белогвардейцами и интервентами вступили прибывшие сюда Московская рабочая дивизия, другие воинские подразделения. Руководящий состав армий и фронта укрепили известные большевики Р.С. Землячка, В.П. Потемкин, Л.З. Мехлис. Все это дало возможность войскам, наступательные бои шли уже на линии Житомир–Винница–Умань–Николаев.

С.М. Мирный: «По окончании переговоров в Москве мы с Шульманом отправились в Крым и прибыли туда в первый день выхода Ревкома из подполья в начале апреля 1919 года.»

1919 г., март, Харьков

Лишь одним предложением упоминает в своей биографии С.М. Мирный эти месяцы. Но за скупыми, отмеченными предельной скромностью большевика строками, скрывается большая организаторская работа.

Первая Заднепровская дивизия под командованием П. Дыбенко, в состав которой один за другим вливаются партизанские отряды Александровска, Екатеринослава, других освобожденных городов, вела успешные бои. День освобождения Таврии был близок

Мирный, Шульман и присоединившийся к ним Вернер в небольшом здании в центре Харькова, решают вопросы об укреплении рядов Крымской партийной организации. Среди тех, кому в скором времени предстоит бороться за установление и упрочение Советской власти в Крыму, и Орион Алексакис.

Когда ему сообщили о решении партийных органов, живой, всегда решительный Орион от неожиданности даже растерялся: «А как же моя работа в «Коммунисте?» И беспомощно развел руками. Однако новое задание партии вскоре целиком захватывает его. Балаклавский грек вновь полон энергии, вновь он как бы оправдывает значение своего греческого имени – в нем и страстность, и мужество, и воинственность во имя защиты революционных идеалов.

С.М. Мирный: «В столовой, пообедав тарелкой пустых щей, сидим мы вчетвером – я, Шульман, Вернер и Алексакис, – обсуждаем будущую нашу работу в освобожденном Крыму. Шульман, пощупав длинную шинель, в которой болтался худой Алексакис, шутливо говорит: «Тебе бы работать в армии». Шутка оказалась пророческой. В апреле на одном из заседаний обкома партии Алексакис был утвержден политкомиссаром Заднепровской дивизии. Мы знали кипучую энергию Алексакиса, его необыкновенный ораторский талант, умение зажигать сердца людей, рисовать перед очарованной аудиторией мечты о коммунизме, которые станут явью. Алексакису был в то время всего двадцать один год. Но это не мешало Ориону проявить себя настоящим человеком на одном из самых ответственных участков в борьбе за Советскую власть».

Так в будничной повседневной работе подбирались руководящие кадры. Решались другие важные организационные вопросы, связанные с будущей легальной деятельностью Крымского обкома партии.

1919 г., апрель, Крым

Хроника Четвертого апреля взят Перекоп. Девятого войска Красной Армии освободили Джанкой. Местные жители засыпали красноармейцев цветами. К вечеру одиннадцатого апреля Заднепровская дивизия вступила в Симферополь.

В.И. Ленин: *«Без победы на Южном фронте ни о каком упрочении Советской пролетарской власти в центре не могло быть и речи. В связи с тем, что союзники-империалисты как раз с юга, с Украины, пытались наступать и хотели сделать из Украины опорный пункт против Советской республики, значение Южного фронта для нас тем более усилилось, и поэтому нам не приходится раскаиваться в том, что мы все военные задачи строили таким образом, чтобы преобладающее внимание и преобладающие силы уделялись Южному фронту.*

В этом отношении я думаю, что мы не ошиблись. Потом последние известия о взятии Одессы и сегодняшнее известие о взятии Симферополя и Евпатории показали, что положение там такое, что этот район, игравший главную решающую роль во всей войне – этот район теперь очищен.»

Этими же словами вождя начал свое выступление на первом после освобождения народном митинге вернувшийся в Крым Юрий Гавен: *«Этот район, играющий главную решающую роль во всей войне, – этот район теперь очищен... Мы отняли у Антанты ее солдат... отняли у них превосходство солидарности трудящихся против империалистических правительств».*

На наскоро сколоченном помосте плечом к плечу с Гавеном стояли брат Ленина Дмитрий Ульянов, его близкий друг и соратник Андрей Елагин, только что вышедшие из подполья большевики. Среди них чудом избежавшие расстрела, искалеченные в застенках деникинской контрразведки Яков Тевлин, Иван Тихомиров, Роза Гринберг. Радостной была встреча Юрия Петровича с товарищами, которые, кажется, совсем недавно навещали его в московском госпитале, согласовывая стратегию и тактику подпольной борьбы. Д. Скрыпник, И. Семенов, С. Мирный, Е. Шульман, А. Лысенко, М. Гершуни, М. Каплан были чуть подавлены значимостью и торжественностью момента. На их лицах можно было прочесть все: и радость долгожданной победы, и понимание тяжелой ответственности за день завтрашний, и горечь потерь.

На рыночной площади Симферополя бурлит праздник. А перед глазами Семена эта же площадь в марте прошлого года: озверевшие лица торговцев, националистов, зажиточных крестьян. Подстрекаемая контрреволюционерами толпа растерзала их товарища Наума Глазова – городского комиссара продовольствия. Погиб, пытаясь спасти отца, и его сын, организатор городского союза рабочей молодежи. А как забыть покушение, совершенное в те дни на работников военного штаба?.. Или товарищей, замученных в застенках интервентов и белогвардейцев.

Их, большевиков, упрекали в красном терроре. Но ведь каждому здравомыслящему человеку должно быть ясно – это единственно возможный ответ на белый террор, когда в крови и огне хотели уничтожить волю народа к свободе, к иной, лучшей жизни. Разве могли большевики оставаться равнодушными к зверствам интервентов?

Архивная справка *«Мы не допустим никакого беспорядка, и, если потерпит в чем-либо какой-либо из наших подданных, или нами покровительствуемый, виновный будет немедленно подвергнут военно-полевому суду и расстрелян. Мы также предупреждаем, что не будут допущены никакие злостные выступления ни устно, ни в прессе против союзников. Мы имеем свои средства, чтобы заставить нас уважать».* (Из обращения, опубликованного в Феодосии командиром французского контрминноносца «Каск» капитаном второго ранга А. Бенетом).

И такие слова имели наглость произносить те, кто, практически, разорил полуостров, привел его хозяйство в небывалый упадок. В Крыму господствовали безработица, тиф, испанка. Вот почему коммунисты видели свою главную задачу в том, чтобы как можно быстрее освободить полуостров от интервентов, белогвардейцев.

Хроника Продолжая преследовать противника, красноармейцы 12 апреля освободили Ялту и Бахчисарай. 15 апреля полки Красной Армии подошли к Севастополю, куда под крыльишко англичан и французов в панике бежало кадетско-меньшевистское «краевое правительство» Соломона Крыма.

Совместное революционное выступление севастопольских рабочих и французских военных моряков, жестоко потопленное интервентами в крови, дало свои результаты. Экипажи мятежных кораблей отправили во Францию, где над ними учинили судебную расправу. А 29 апреля четвертый Заднепровский полк вошел в Севастополь. На всей территории Крыма, за исключением Керченского полуострова, была установлена Советская власть.

Через две недели после освобождения Крыма на квартире вновь прикованного к постели Ю.П. Гавена состоялась областная партийная конференция большевиков. На ней присутствовали представители Центрального Комитета РКП(б) К.Е. Ворошилов и М.К. Муранов, представитель Красной Армии П.Е. Дыбенко.

Архивная справка Председателем обкома партии избран Ю. Гавен. Секретарем – В. Хайкевич (Вернер). Членами обкома – Дмитрий Ульянов, Иосиф (Степа) Полонский, Орион Алексакис, Иван Назукин, Владимир Киров – Харик, Ефим Шульман, Семен Мирный (ему поручили редактировать газету «Таврический коммунист»). Степан Захаров возглавил Симферопольский горком партии. Мустафа Субхи заведовал мусульманской секцией обкома, редактировал газету «Эни дунья» («Новый мир»).

На работу конференции, ее решения самое непосредственное влияние оказал состоявшийся 18-23 марта 111 съезд партии. Первоочередными задачами крымские большевики определили восстановление и учреждение Советских органов власти, национализацию промышленных предприятий и банков, решение земельного вопроса, оказание всемерной помощи фронту и организация культурного строительства.

Чтобы претворить в жизнь выработанную программу, нужны были опытные, проверенные люди. А их катастрофически не хватало. Потому каждый большевик в те напряженные дни работал за двоих.

Д.И. Ульянов: «...Спать удавалось не больше 3-4 часов в сутки, но я совершенно ожил в этой обстановке и чувствовал себя превосходно».

Примерно такой же распорядок дня был и у Семена Мирного. «Таврический коммунист» забирал массу времени. Ни одно мало-мальски важное событие не проходило мимо его страниц.

1919 г., май, Крым

Крошечный кабинет редактора с трудом вмещал несоразмерно большой канцелярский стол, обтянутый зеленым, залитым чернилами, сукном, пару расшатанных стульев для посетителей и пузатый шкаф, забитый отчетами, сообщениями с мест, листовками, свежими номерами газеты, книгами. В открытое окно лениво вкатывались потоки майского воздуха, пронизанного терпким запахом недавно распустившейся, еще клейкой листвы.

Ворох бумаг, заваливших стол, недовольно шелестел, мешая Семену сосредоточиться. Он откинулся на спинку стула, хмуря под очками воспаленные от недосыпания глаза, и продолжая внимательно изучать отчет Евпаторийского горкома партии. Товарищи сообщали, что лучшие партийные работники вынуждены работать в ревкоме. Отсюда лишь эпизодические выезды агитаторов в села уезда, недостаточное влияние партийных ячеек в профсоюзах.

К сожалению, констатировал Мирный, не лучше положение дел в Бахчисарае, Армянске, Алуште, где партийные организации насчитывают не более 15-25 коммунистов.

А вот отчеты Торбы–Крупчицкого, Сосновского из Севастополя и Ялты. Здесь совсем другая картина: укрепляются парторганизации, растет влияние большевиков в массах. Но, видимо, и здесь эсеров-меньшевистская оппозиция еще сильна. Не случайно же Севастопольский ревком вынужден был обратиться к сотрудникам почтово-телеграфных учреждений со специальным воззванием. Мирный запустил руку в стопку бумаг и вытащил сероватого цвета листок. Вот оно.

Архивная справка «Товарищи! Вы видите их предательскую работу. Гоните их прочь! Пусть не заявляют себя сторонниками Советской власти. Умейте различать волков в овечьей шкуре. Только тогда мы сможем направить наше дело по верному пути, идя рука об руку с рабочими и крестьянами».

Да, Семен теперь не сомневался: проникновение политических врагов Советской власти в ревкомы, профсоюзы, в советские учреждения происходит и там, где партийные организации сильны. Значит, в тылу большевиков ведется кропотливая антисоветская деятельность. Значит, гораздо серьезнее, чем он предполагал, могут быть последствия раскрываемых случаев саботажа, срывов намеченных мероприятий.

Что мы можем противопоставить скрытой контрреволюции? Прежде всего – бдительность. Эта тема должна быть в центре внимания печатного органа обкома партии.

Кстати, где-то было письмо Александрийского. Это то, что нам сегодня надо. И, обмакнув перо в чернила, он начал править авторские строки, придавая им дополнительную остроту, обобщенность.

Архивная справка «30 апреля с удивлением прочитал в номере 12 «Известий Симферопольского ВРК» заметку о назначении секретарем ВРК Выставкиной. Это та самая 2-жа Выставкина из «Союза крымских журналистов», которая вместе с другими «журналистами» с пеною у рта вела самую бессовестную агитацию против большевиков. В этом отношении «Южные ведомости, где работали Выставкина и Ко, были вполне солидарны с черносотенным своим собратом – «Таврическим голосом», и оба проповедовали крестовый поход против большевиков с оружием в руках. Принимая во внимание все вышеизложенное, вряд ли можно допустить, чтобы явные враги Советской власти занимали ответственные и вообще какие-либо должности в советских учреждениях. Александрийский.» (Из газеты «Таврический коммунист».)

Правильность и своевременность позиции, занятой «Таврическим коммунистом», подтверждает телеграмма К.Е. Ворошилова в ЦК КП(б) Украины. Отправленная 19 мая, она обращает внимание на серьезные недостатки в работе Симферопольского ревкома. На то, что в его состав, несмотря на руководящее положение большевиков, входили два меньшевика, представитель армянской буржуазии – националистической партии «Дашнак-цутюн». Их позиция отличалась двурушничеством. На словах утверждая, что будут честно служить Советской власти, представители этих партий на деле вредили деятельности советских органов.

Архивная справка В мае в Крыму было сформировано Временное рабоче-крестьянское правительство. В его состав по согласованию с ЦК РКП(б) вошли: наркомпрод С.Д. Вольфсон–Давыдов, наркомвнудел Ю.П. Гавен, наркомвоен П.Е. Дыбенко, предсовнархоза Я.Ф. Городецкий, наркомюст И. Ибраимов, наркомзем С. Идрисов, наркоминдел С. Меметов, наркомтруд И.М. Полонский, наркомздрав Д.И. Ульянов, наркомпрос И.Л. Назукин, управделами А. Боданинский. В Президиум Совнаркома вошли Д.И. Ульянов, Ю.П. Гавен, П.Е. Дыбенко.

Телеграмма Временного рабоче-крестьянского правительства Крымской Социалистической Советской Республики: *«Москва. Совнарком. Ленину. Временное рабоче-крестьянское правительство Крыма обращается с коммунистическим приветом к братским социалистическим республикам России, Украины, Венгрии, Баварии и Литвы, а также ко всему международному коммунистическому пролетариату и выражает полную решимость бороться в тесном союзе со всеми советскими республиками до полного торжества коммунистической революции.»*

Из декларации Временного рабоче-крестьянского правительства Крыма:

«Волей революционных рабочих и крестьян Крыма и славными подвигами героической Красной Армии буржуазно-помещичье краевое правительство свергнуто. Крым объявляется Социалистической Советской Республикой. Отныне высшим органом власти в крае является Временное рабоче-крестьянское правительство Крыма, которое считает своей задачей и первой обязанностью в тесном союзе с остальными Советскими Республиками принять активное участие в борьбе за торжество Советской власти и мировой социалистической революции... Со всеми врагами социалистической Советской власти, каким бы флагом они ни прикрывались, Временное рабоче-крестьянское правительство будет расправляться самым решительным образом. Горе тому, кто станет на пути Советской власти.»

На одном из заседаний обкома Ю. Гавен настаивал, чтобы каждый член обкома, советский работник, каждый большевик помимо основной работы должен регулярно выступать перед людьми.

– Это особенно важно сегодня, – подчеркнул он, – когда идут выборы в Советы, когда на селе организовываются коммуны. Каждое ваше слово должно найти отклик в душе человека, стать тем переломным моментом, который определит его дальнейший жизненный путь, приведет его в ряды коммунистов.

– Хорошо бы, – поддержал его Мирный, – опубликовать в «Таврическом коммунисте» несколько статей, подготовленных членами обкома партии, о необходимости усиления политической, культурно-массовой работы среди трудящихся.

–Согласен, – Гавен улыбнулся. – Вот вам, Семен Максимович, это и поручим.

Задание обкома было выполнено.

Архивная справка *«...Необходимо напрячь все имеющиеся в наличии живые силы партии для того, чтобы развить своим знанием, культурным творчеством новой жизни осиное*

гнездо контрреволюционеров, верного союзника белой гвардии – народную темень. Укрепить завоевание, закрепить победу без широко поставленной и развитой культурно-просветительной и агитационно-пропагандистской деятельности невозможно. В рабочие кварталы, слободы, в гуцу трудящихся – вот где наша область, вот где наше место! Надо понять, что рабочим и их семьям трудно идти в центре при нынешних трудных условиях, а знать, что делается вокруг, безумно хочется! Необходимо использовать все партийные силы и бросить их на окраины, в рабочие кварталы для организации летучих митингов, собеседований, лекций, организации библиотек и раздачи литературы, приспособив для этого школы, большие дома, назначив определенные дни и часы. Это дело можно поставить широко и разумно. (Из газеты «Таврический коммунист».)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.